

Между богом и дьяволом

Композитор Вячеслав АРТЁМОВ: «Если человек — бессознательное существо, значит, он просто игрушка в руках дьявола».

В ШТАТАХ И ДОМА

Вячеслав Петрович производит впечатление человека надмирного, отрешенного от быта. Мне казалось, далек он и от политики. Но 20 августа достопамятного 1991 года увидела его в Белом доме рядом с Ростроповичем. Оба музыканта были охвачены безрассудным байронизмом: если и погибнуть, то за свободу!

Чемоданы после путешествия композитора в Америку еще стояли в передней, когда я пришла к Вячеславу Петровичу: интересно услышать об исполнении его произведений в США.

— Вячеслав Петрович, дорога в Америку стоит безумно сколько. Кто ваш добрый гений, оплативший это путешествие?

— Оркестр «Симфония Невады» города Лас-Вегаса. Он пригласил меня на премьеру моей «Пьеты», пьесы для виолончели с оркестром. Дирижер Вирко Балей хорошо знает современную симфоническую музыку России, любит наших исполнителей. В моем концерте солировала Мария Чайковская.

— Что вас удивило в Лас-Вегасе?

— Город просто напичкан средствами духовного очищения. Здесь 400 церквей! Видно, после продажи души дьяволу очень хочется замолить грехи. Посетил я церковь религиозной науки. Это сарай, где нет никакой религиозной атрибутики. Выступает, к примеру, министр и говорит: «Господу верить необходимо, но еще надо хорошо вести свои дела». Из публички выходят с признанием, что Бог помог им в бизнесе, ну и так далее. Потом они поют песни, водят хороводы, как на рождественской елке.

— Ваши впечатления от простых американцев...

— Приветливы, у них нет и следа озлобления, в котором часто пребывают наши соотечественники.

— Наша публика не торопится на симфонический концерт. Как американцы воспринимают современную русскую музыку?

— Когда Ростропович должен был в первый раз играть мою симфонию, случайно в фойе я услышал мнение, дескать, современная русская музыка ужасна, слушать ее невозможно. Я понял — многие пришли на концерт развлечься и не прочь сбежать поскорее... Началось исполнение. Кто-то действительно ушел, но по лицам оставшихся я понял: музыка что-то меняет в них. Пусть ненадолго — они становились другими людьми.

В Лас-Вегасе зал на 2 тысячи мест. И почти все места были заполнены. Программки раздавали бесплатно, как у Швейка расплятают в раю бесплатную одеколону.

— Я слышала, в Филадельфии оркестр «2001» сыграл две ваши вещи. А когда вас будет играть Ростропович? Встречались ли вы с ним в этот приезд?

— Да, мы очень хорошо пообщались — в июле в Лондоне Ростропович сыграет с Лондонским симфоническим оркестром четвертую часть моей тетралогии «Симфония путей».

— Неужели вы говорили только о музыке небесных сфер?

— Напротив. Мы создали в Вашингтоне американское отделение фонда духовного творчества «Слава фаундейшн» — «Фонд Славы». Его учредили три Славы — Мстислав Ростропович, Святослав Федоров и Вячеслав Артёмов. Надо помочь людям, создающим духовные ценности. Без культуры нация погибнет, ей останется только охота на мамонтов.

— Вы знаете, кому необходимо помочь?

— Конечно, знаю. Есть композиторы, религиозные писатели, которые создают высокие духовные произведения. Или, скажем, хореограф Ольга Бавдилова со своей уникальной труппой во Владивостоке...

— Я слышала: Ольга ставит балеты на вашу музыку. Вы их видели?

— Они снимают все свои постановки на видеопленку. Кое-что я видел. Меня эти балеты захватывают. Российское телевидение собирается вскоре показать серию этих работ. Они требуют внимания, напряжения при восприятии, но воздействие спектаклей на зрителя благотворно. Я надеюсь, вы убедитесь сами. Знали бы вы, в каких труднейших условиях им приходится работать! Звонили недавно — собирают бутылки, чтобы выжить. Сама Ольга выезжала в Америку. Но ей там неинтересно. Я ее понимаю. В американском искусстве часто встречается механические изделия, не проникающие в духовную жизнь, остающиеся на уровне игры материалов.

— Может ли композитор-симфонист выжить в сегодняшних условиях?

— Ставки за симфонию немного увеличились, но из-за инфляции фактически уменьшились. Положим, вы пишете симфонию год. На семью в месяц композитору необходимо тысяч 35 — прежде чем зазвучит сочинение, ему за многое надо платить. Умножьте на 12 месяцев и прибавьте инфляционный процент. В Америке исполнение пятнадцатиминутной вещи с оркестром стоит 500 долларов. На четыре исполнения в месяц вполне можно существовать. Радио и телевидение платят за все исполнения. У нас же я слышу свою музыку НЕОБЪЯВЛЕННОЙ, анонимно. Только сейчас, как мне сказали, выработывается какой-то законодательный акт, касающийся использования музыки по радио и телевидению. Я думаю, большинство композиторов на свое творчество прожить в нашей стране не в состоянии.

— Вроде начинает возрождаться традиция спонсорства...

— Спонсоры уже устали... У нас была и другая традиция — государство поддерживало культуру. Другой вопрос — какую культуру? У всех на слуху облаканные имена.

— Помочь бы надо в первую очередь молодым талантам — никто не знает, сколько Господь отмерил каждому прожить на земле.

— У каждого свой план бытия. Мясковский «расписался» к концу жизни. У Прокофьева самые важные вещи написаны рано. Важно судить не по паспортному возрасту, а по делам. Надо скорее менять образ корифеев в общественном сознании. В Союзе композиторов был секретариат — он состоял из орденноносцев, облаканных и оплаченных правительством. Теперь ничего этого не существует. Дым рассеялся — и нет гениев.

ГРЕШИТЬ ИЛИ НЕ ГРЕШИТЬ?

— Вячеслав Петрович, ваш симфонический путь к Богу, подгонка к надмирной жизни не вступают ли в противоречие с самочувствием человека, вынужденного грешить и подвергаться разным соблазнам?

— У меня нет возможностей подвергаться соблазнам.

— Как же так? Вы же не отшельник в скиту?

— У меня нет пристрастий, кроме моих занятий. И на них мне едва хватит моей жизни.

— А соблазн самообольщения, любви к самому себе?

— Вот это большая проблема. Господь сказал: «Возлюби ближнего, как самого себя». Но для меня вопрос: как возлюбить себя?

— Где вы постигаете гармонию?

— Я человек горный, лесной. Мое место — в божественной природе. Я у нее учусь.

— Правильно ли я вас поняла, что именно в горах вы ощущаете некую возможность общения с Богом?

— Было бы наглостью с моей стороны сказать таким образом. Один композитор хвастался, дескать, не он пишет музыку, а какие-то надмирные силы водят его рукой. Человек не в состоянии определить точно, откуда на него направлено воздействие. Понастоящему приближенный к процессу творчества знает, что все однажды откроется. Даже во сне. И тогда есть искушение сказать, что это свыше. Но каждый получает в меру своей испорченности. Я хотел бы быть ближе к Богу. Ведь сказано в писании: «Познай самого себя». Человек познает себя своим участием в жизни, своим трудом. Композитор творчеством идет к Богу, если он стремится к нему. Но может произойти и подмена. Иной стремится несознательно к дьяволу, а ему кажется, что он все получает от Бога.

— Испытываете ли вы недовольство собой?

— Собой я всегда недоволен. Но стараюсь анализировать, исправлять недостатки. Самое действенное средство — творчество. Мне кажется, в творчестве я преодолеваю свою греховную природу.

— У Пушкина я встретила фразу: «Зависть — сестра соревнования, следовательно, из хорошего ряда». Знакомо ли вам это чувство?

— Я пытался себя на этом поймать. Пока не удалось. Радуюсь, если вижу в творчестве другого человека возвышающее начало и во всем готов ему помочь. Разумеется, есть музыка, которая вызывает мое неприятие. Завидую ли я известности композиторов? Я себя проверял: слушал музыку, не зная, кто ее написал. И приходил к заключению: музыка эта недостойная. Фальшивая. Она дает ложное представление о мире чувств. Музыка ведь очень открыта. Ее создателю не спрятаться за звук. Звук есть непосредственное выражение существа автора. Какой человек — такова и его музыка.

— Наверно, возникала у вас зависть к классике, сожаление, что не вы это написали?

— Были такие вещи, которые мне хотелось бы написать. Но они побуждают меня не повторять, а написать что-то свое, что по духовному переживанию было бы наравне. Такие вещи есть у американского композитора Эдгара Вареза.

— Не слышала ни его произведений, ни о нем.

— К сожалению, он мало известен. На мой взгляд, он самый крупный композитор XX века. Он действительно открыл новые пути в музыке, а не Венская школа, о которой так много говорят. Я считаю Вареза более значительным автором, чем Стравинский. У нас его не исполняют. Варез — трагический композитор. Один из первых использовал электронику...

— Австрийский музыковед Карл Харниш нашел в подвале венского музея старинную нотную запись Моцарта «Пьесу для

двух гитар, виолончели и флейты. Сыграли — мелодия напомнила шлягер Билла Хейли, ознаменовавший начало рок-н-ролла. 200 лет назад 19-летний Моцарт это отведать и пошел дальше. Вы себе позволяете озорство в музыке?

— О моцартовских вещах нельзя говорить, что они «роковые». Сейчас много переделок. «Маленькую ночную серенаду» играют с ударами. Это профанация классики. Моцарт писал и развлекательную музыку, даже составлял музыкальные квадратики, чтобы любой, вытаскивая квадратики, мог сложить какую-то музыку. Такие игры хороши на компьютерах. Я считаю главным направлением в музыке — идти в глубину своего душевного мира, открывать возможность пути к Богу. Бах, Шуберт, Шопен, Брамс, Брукнер, Малер, Варез, Берлиоз, Пуленк занимались этим.

НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...

— Приходилось ли вам видеть реакцию наших мастеровых на новую «классику»?

— Когда они сталкивались с музыкой носом к носу, то бывали поражены: «А это уже не классика, а что-то другое». Классика у нас ненавидят. Надо их приучить, возбуждать музыкой циркуляцию крови в мыслях, чтобы они перестали быть лопухами. Сын моего знакомого — школьник — на переменах стал передавать музыку Баха, Генделя со своим комментарием. Представьте — дети изменились. Школа изменилась. Дети не доверяют взрослым, пусть просвещают их сверстники. Не может эмоциональная музыка не захватить человека.

— Когда вы закончите «Симфонию путей», вернетесь к камерным сочинениям?

— Они у меня в проектах и образах...

— Вы не хотели бы поработать в Швейцарии?

— У нас на Кавказе лучше. Наш фонд получил в Карачаево-Черкессии семь гектаров земли. Хотим сделать что-то вроде артистической колонии, чтобы приезжали художники, артисты, поэты, музыканты... Но ныне все непредсказуемо.

— Где вам легче работается?

— Работать можно только дома, на природе.

— Насколько мне известно, у композитора Артёмова нет загородного дома.

— У Артёмова ни собственно дома, ни машины. Меня стали знакомые обвинять, что я эпантирую публику — хожу по Москве пешком. В самые тяжкие моменты жизни я себя утешаю одним: могло быть и хуже. Я могу лишиться здоровья, оказаться парализованным. А сейчас я могу улыбаться, увлекаться — это тоже счастье. Многие годы в кармане у меня не было и полшкурки. Году в семидесятом шел я в музфонд за ссудой, а в тот день не было у меня даже хлеба, навстречу попался человек с авоськой бананов. Как я ему позавидовал! Я не жалуюсь на судьбу. Я тоже мог бы песенки писать — но я сознательно выбрал свой путь, ограничил себя во всем, чтобы заниматься главным делом жизни. Уверен, любой человек может добиться своего — создать то, что будет его самого радовать. А этого уже достаточно.

— Вы не жалеете, что распались Союз композиторов?

— Наш союз был создан по политическим мотивам. Он объединял всех, кто имел дело со звуком. Представьте такое образование, где Бетховеном, Чайковским и Брукнером руководит балалаечник? В Московском союзе так и было. Иногда заходил в здание союза, а там заседали композиторы-песенники, слушали друг друга. Жуткий трагик. Что отсюда несло, недостойно человеческого уха. Главная задача авторов песен — продать побывав, завтра поделки никто не купит. Чисто торговый принцип. Нигде в мире нет таких союзов композиторов.

— Вячеслав Петрович, в общении вы такой веселый, мягкий. Но вы беспощадны в оценке сочинений своих современников. Страшно спросить, но рискуете: ваше восприятие музыки Шнитке?

— Один из критиков назвал Шнитке отражением. Критик правильно уловил. Отражение — это. Оно само ничего не производит, не является открытием. В течение последних десятилетий Шнитке создает пародии на какой-то образ в музыке. Публика воспринимает их как оригинал.

— Его талант ценят во всем мире...

— Это ничего не отменяет. Я перестал его слушать с 78-го года.

— Почему же вы судите окончательно, по сути не зная его новых сочинений?

— Мне иногда попадают его сочинения. Слушал недавно его 4-ю симфонию. Оперу показывали по телевизору. Мне не интересно.

— А кто интересен?

— В Ереване Эдик Айрапетян — замечательный композитор. Ереванские композиторы намного интереснее наших, духовно чище. Они остались ближе к при-

роде. В их музыке больше доброго.

— А в развлекательной музыке кого вы предпочитаете?

— Гершвина. Приятная музыка. «Порги и Бесс» содержит многое.

— У вас на стенах прекрасные оттиски гравюр Хогарта. И совсем нет живописи — только черно-белая графика. Почему?

— Я графикой увлеклся в молодости. У знакомого была мастерская, я приходил туда, что-то царалал на металле. Конечно, я не художник, но появление изображения доставляло мне удовольствие. Не давая даже есть две мои гравюры.

— Пейзажи?

— Не-ет. У меня всегда что-то тайное, символы. Но я к этому серьезно не отношусь...

— Какой год в вашей жизни был особенным?

— Семьдесят седьмой — год моего дилжанского прозрения. В Дилжане есть какие-то космические знаки. Творчество — это раскрытие иной жизни. Музыка — и не потому, что я этим занимаюсь, — самое сокровенное, самое тайное искусство.

ПОКАРАТЬ ВО ИМЯ ДОБРА

— Фридрих Горенштейн написал большой роман «Псалом». Его герой — антихрист — с незапамятных времен живет в России в образе человека и творит зло за грехи наши тяжкие перед Богом...

— Да, дьявол не забывает нас. Человека дали свободу выбора — идти вправо или влево, творить зло или добро. Он сам выбирает способ своего существования. А если он бессознательное существо, значит, он просто игрушка в руках дьявола. Что ни говори, нас, русских, раздражают противоположные черты: святость и разинщина, доброта и разбойность, неупорядоченность душевной жизни. Упорядоченный человек в хорошо организованном обществе может прогнозировать свои поступки, не позволяя себе крайностей. Многие иностранцы говорят: «Встретить иную русскую — страшный, неприятный человек. А поговоришь — у него прекрасная душа». Надо упорядочить свою внутреннюю жизнь, стремиться к духовному существованию. Иначе останется человек в своей берлоге диким, с дьяволом в одной упряжке. Еще не все потеряно...

— Оптимисты перевелись. Каждый день ныряем в бассейн без воды.

— Да, черные тучи сгущаются. Темная сила наступает, рвется к власти, грозит реками крови. Если это произойдет, страна уже не воспрянет, экономика окончательно будет разрушена, культура погибнет. Все мастера разедутся по разным странам. Это будет мертвая зона. И опять будет угроза всему миру. Опустится снова железный занавес. Угроза войны станет очевидной. Наш народ долгие годы находился в прямом рабстве. Ученые приходят к выводу — у нас было самое рабовладельческое общество. Рабовладение не захватывало обычно народ страны — рабами были пленные. Египетские крестьяне могли не подчиниться фараону. У нас — полная диктатура, такой подавляющий механизм, который пожирает всё. Я не согласен, что все виноваты. Разве виновны посланные крестьяне? Виновны ли сталинские лагерники? Большинство людей неповинны. Я не согласен с мнением Конституционного суда, что рядовые коммунисты не виноваты. Они виновны, потому что платили взносы и кормили верхушку, позволяли ей «володеть и княжить».

Наш президент, конечно, совершает ошибки и сам не идеал. Но если выбирать между прошлым и будущим, надо выбрать будущее. Два раза нельзя вступить в одну реку, говорил Геркулес. Почему люди этого не понимают? Как можно терпеть, когда депутаты на всю страну по телевизору призывают народ к оружию? Ни в какой стране такое немыслимо! Это совершенная наглость. Видеть эти мерзкие рожи, подобные Лукьянову, — от них смердит! Нигде такие люди не могли бы быть избранными, не могли пройти на верхушку власти по своим низким нравственным качествам. Наши большевики хуже фашистов: те хотя бы своей народ идеализировали. А большевики уничтожили свой народ. Вот беда в чем. А под кровавые бандитские знамена снова встают. Если зло не наказывается — значит, оно поощряется. Не остановили Сумгаит — и теперь война по всей стране. А если бы повесили на главной улице Сумгаита несколько бандитов за их зверства и насилие — другие бы не посмели!

— Человечество отошло от зрелищ виселиц и гильотин...

— Но если народ сходит с ума и ничем его добрым остановить нельзя, нужен шоковый удар. Я насмотрелся на шествия с красными знаменами — это же подготовка к войне. Цель главарей — прийти к власти: больше-то они ничего делать не умеют. Я говорю не об обманутых стариках — они вспоминают минувшие дни. О вожаках. Это же уголовщина. Как же можно таких депутатов оставлять? Я считаю: Ельцин должен вести чрезвычайное положение, изолировать коммунистических вождей. Лучше спасительный неконституционный поступок, чем катастрофически нарастающее беззаконие, смертельный беспредел. Наш президент должен быть мужчиной. Если требует остановка, он должен быть жестоким к злу. Остановить зло во имя жизни.

Беседу вел Н. ДАРДЫКИНА.